

УДК 159.9

О разработке методики изучения направленности коммуникативной активности

The study about developing methodology of investigation of orientation on communicative activity

Васюра С.А., ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», vasyura@inbox.ru

Vasyura S., Udmurt State University, vasyura@inbox.ru

DOI: 10.51379/KPJ.2021.146.3.037

Ключевые слова: общение, виртуальное общение, коммуникативная активность, направленность, методика.

Keywords: communication, virtual communication, communicative activity, orientation.

Аннотация. Проблема коммуникативной активности человека становится чрезвычайно актуальной в связи с трансформацией прежних констант общения в современных условиях меняющегося мира; возникает потребность в создании психологического инструментария для изучения этой активности. В статье представлены результаты авторской разработки методики изучения направленности коммуникативной активности, ее теоретический и психометрический анализ. Теоретической предпосылкой создания методики изучения направленности коммуникативной активности является концептуальное представление о функциях человека как субъекта общения (В.Н. Панферов). Исходными теоретическими положениями послужили также идеи активности человека, заложенные в концепции интегральной индивидуальности (В.С. Мерлин); полифонии активности в концепции метаиндивидуального мира (Л.Я. Дорфман); интегративный подход к коммуникативной активности (С.А. Васюра). Методика выявляет коммуникативную, информационную, когнитивную, эмотивную, конативную, креативную направленность активности человека, реализующуюся в непосредственном и Интернет-общении. На выборке 418 человек 17 – 25 лет (128 юношей, 290 девушек) обсуждены результаты валидации методики. Доказано, что методика обладает прогностической ценностью при изучении круга явлений, относящихся к непосредственному и опосредованному (виртуальному) общению, а также к коммуникативному потенциалу личности. Методика изучения направленности коммуникативной активности может применяться в научных и прикладных исследованиях.

Abstract. The problem of a person's communicative activity becomes urgent due to the transformation of previous communication constants in the current conditions of the changing world, there is a need for development of psychological tools for this activity. The article contains results of developing methodology of investigation of orientation on communicative activity, its theoretical and psychometric analysis. The theoretical premise of the methodology is the conceptual idea of human's functions as a subject of communication (V.N. Panferov). The ideas of human's activity that is a part of integrated individuality concept (V.S. Merlin), polyphony of activity in the concept of metaindividual world (L.Ya. Dorfman), integrative approach to communicative activity (S.A. Vasyura) have become the underlying theory. The methodology examines communicative, informational, cognitive, emotive, conative, creative orientation on a person's activity that implements in the direct Internet-communication. Results of methodology's validation are discussed on a sample of 418 people 17 – 25 aged (128 males, 290 females). The research has a predictive value in examining a range of features referring to both direct and indirect (virtual) communication, as well as a person's communicative potential. This study can be used in scientific and applied researches.

Введение. Социокультурное пространство общения современного человека непрерывно преобразуется под влиянием бурно развивающихся информационных технологий. Ситуация тотального вовлечения людей, особенно молодежи, в опосредованное техническими устройствами общение, заставляет

исследователей по-новому взглянуть на коммуникативную активность человека, разворачивающуюся как в непосредственном взаимодействии – «лицом к лицу», так и в Интернет-среде (виртуальной среде). Активное обращение и использование для коммуникации социальных сетей формирует стойкий спрос на

развитие электронных посредников общения. В то же время такая увлеченность сетью сопровождается определенными эффектами, например, эффектом социального растормаживания (*disinhibition*) и освобождения (*librating*) [10]. Становятся привычными термины «киберсоциализация» [14], «персональная психологическая виртуальная реальность», виртуальные связи [12], «виртуальное со-бытие с Другими» [2] и др. Актуализируются вопросы баланса коммуникации онлайн и офлайн, ценность непосредственного общения стала осознаваться людьми в ситуации вынужденной изоляции в период пандемии COVID-19.

В современных условиях меняющегося мира происходит трансформация прежних констант общения. Эта тенденция отражается в тематике фундаментальных и прикладных психологических исследований в области психологии личности, активности, общения, киберпсихологии и пр. (Е.И. Богомолова; С.А. Васюра, С.В. Рожина; А.Е. Войскунский; Н.А. Лукина; Е.И. Рассказова; Н.Н. Самсонова; А.Б. Холмогорова, Е.Н. Клименкова и др.) [2;4;5;8;16;17;19]. Обострение научного интереса к проблеме активности человека в новых форматах актуализирует вопрос создания нового инструментария для изучения обусловленных развитием коммуникативных технологий феноменов человеческой активности. Психологическая трактовка коммуникативной активности имеет основания в работах С.Л. Рубинштейна, в развиваемом его последователями субъектно-деятельностном подходе. Психологическая трактовка коммуникативной активности должна быть обогащена с учетом контекста виртуальности и появления новых системных свойств человека как субъекта активности; для этого мы обращаемся к идеям об активности человека, полифонии активности, заложенным в теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина и метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана [11;6].

Коммуникативная активность человека – готовность и способность к межличностному взаимодействию, от него исходящего, к реализации функций субъекта общения (непосредственного и опосредованного, в частности Интернет-общения). На наш взгляд, коммуникативную активность человека следует рассматривать в контексте представлений о полифонии активности – способе сосуществования и взаимодействия различных форм активности друг с другом (Л.Я. Дорфман). Полифония активности, как отмечает Л.Я. Дорфман, представляет собой колебательный

процесс, т.е. взаимопереходы от одних форм активности к другим [6]. Коммуникативная активность человека разнообразна, разнонаправлена, полифонична – проявляется как в общении «лицом к лицу», так и в виртуальном общении.

Существует несколько методик для изучения отдельных аспектов коммуникативной активности человека в непосредственном и виртуальном общении: методика «Диагностика активности студентов» (А.А. Волочков, А.Ю. Попов) (ДАС-1, ДАС-2) измеряет компоненты активности субъекта в разных сферах взаимодействия, в том числе – в общении [15]; методика изменения психологических границ при использовании технических средств МИГ-ТС 2 (Е.И. Рассказова, В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов): показатели «расширение границ в общении» и «рефлексия нарушения границ в общении» [16]; шкала проблемного использования Интернета GPIUS2 / GPIUS 3 S. Carlan (включает фактор предпочтения онлайн общения); опросник «Когнитивные ошибки в ходе Интернет-общения» (ОКИ) (И.С. Лучинкина) [9]. Существуют другие инструменты изучения проявлений коммуникативной активности, например, анкета «Активность личности в виртуальной социальной сети» (Е.И. Богомолова) [2], методика киберкоммуникативной зависимости (А.В. Тончева) [18]. Тем не менее, в настоящее время направленность коммуникативной активности человека в онлайн и офлайн общении еще не получила должного анализа в психологических исследованиях; отмечается недостаток методик ее эмпирического изучения. Для устранения данного пробела осуществлены разработка и апробация новой методики диагностики направленности коммуникативной активности.

В разработке методики направленности коммуникативной активности мы опирались на идеи В.Н. Панферова о функциях человека как субъекта общения (собственно коммуникативной, информационной, когнитивной, эмотивной, конативной, креативной), восходящие к теоретическим положениям Б.Ф. Ломова – информационно-коммуникативной, регуляционно-коммуникативной, аффективно-коммуникативной функциях [7]. Как отмечает В.Н. Панферов: «Основные шесть функций человека не теряют самостоятельного значения в процессе общения, и каждая из них может стать доминирующей в зависимости от содержательного контекста совместной деятельности» [13, с.52]. «В целом этот ряд функций в процессе общения приобретает

значение функций-средств, раскрывающих индивидуальные психические потенции человека как субъекта общения и психические механизмы процесса общения» [там же, с.53].

Эта теоретическая основа позволяет рассматривать направленность коммуникативной активности человека как избирательное отношение к целям общения, избирательную готовность к общению (взаимодействию). Направленность проявляется как собственно коммуникативная (контактная), информационная, когнитивная, эмотивная, конативная и креативная активность. Такое представление о направленности коммуникативной активности хорошо вписывается в концепцию метаиндивидуального мира (Л.Я. Дорфман), а именно: базовая система отношений от индивидуальности человека к миру предстает в виде активности в реальном и виртуальном общении. Собственно коммуникативная направленность активности – инициатива в установлении связи с другими людьми, в налаживании интерперсональных контактов, стремление к социальной интеграции, к образованию общности; информационная – стремление к передаче-приему сообщений, обмену опытом; когнитивная – познание партнеров по общению, самопознание, реализация социально-перцептивных возможностей; эмотивная – переживание отношений с другими людьми, эмоциональные связи с ними, реализация потребности в дружбе, любви, доверии; конативная – стимуляция, управление, регулирование поведения партнеров по общению, согласование совместных действий с ними; креативная – инициативно-творческое отношение к себе как субъекту общения, саморазвитие, самоутверждение, самовоспитание в общении.

В разных модусах направленности достигаются различные цели общения, и реализуются соответствующие эффекты активности:

1) собственно коммуникативная (контактная) направленность – эффект принадлежности к группе / аффилиации, преодоления коммуникативного дефицита благодаря расширению круга общения (реального и виртуального);

2) информационная направленность – эффект информированности, удовлетворения познавательных потребностей; в Интернете – эффект информационной грамотности (в ее разновидностях – коммуникативной и сетевой (нетикет), стремление находиться в зоне информационного комфорта, достижение

мобильности в условиях изменений информационной культуры;

3) когнитивная направленность – эффект аттрактивности, социальной сензитивности (как одного из ключевых показателей коммуникативной компетентности); в Интернете – конструирование сетевой идентичности и анализ идентичности потенциальных или реальных «френдов»; создание альтернативных образов (субличностей);

4) эмотивная направленность – эффект эмоциональной разрядки, реализации специфических потребностей в доверии, дружбе, любви и пр.;

5) конативная направленность – эффект побуждения, управления, манипулирования людьми; коррекция программ поведения участников реального и виртуального общения;

6) креативная направленность – эффект становления индивидуальности, персонализации, творческого самовыражения, самореализации и саморазвития в общении, инициативно-творческого отношения к сфере реального и виртуального общения и к себе как субъекту общения.

Сосуществование собственно коммуникативной, информационной, когнитивной, эмотивной, конативной, креативной направленности активности в непосредственном и в виртуальном общении – активностная полифония. В полифонии коммуникативной активности человека можно выделить ведущую, доминирующую активность.

Теоретико-методологическую основу методики составили системный подход (Б.Ф. Ломов), представления о человеке и мире (С.Л. Рубинштейн). В качестве исходных теоретических положений – концептуальные идеи о функциях человека как субъекта общения (В.Н. Панферов); идеи активности человека, заложенные в концепции интегральной индивидуальности (В.С. Мерлин) и идеи полифонии активности в концепции метаиндивидуального мира (Л.Я. Дорфман), интегративный подход к коммуникативной активности человека, позволяющий рассматривать активность в связи с системой интегральной индивидуальности (С.А. Васюра) [7;13;11;6;3].

Процедура разработки методики. В исследовании приняли участие респонденты в возрасте 17 – 25 лет (M=20,4) – студенты Удмуртского государственного университета, техникума радиоэлектроники и информационных технологий и Республиканского медицинского колледжа г. Ижевска (жители Удмуртской

Республики, Пермского края, Республики Татарстан). Выборка была сформирована по случайному принципу. Изначально, в процессе исследования были собраны данные 442 респондентов, из них 24 чел. были исключены из обработки по причинам нарушений процедуры или явной недостоверности. В окончательную выборку исследования вошли 418 респондентов. Расчеты проводились с помощью программы SPSS 17.0 в соответствии с правилами статистической обработки и анализа данных.

С целью содержательной валидации методика изучения направленности коммуникативной активности прошла экспертизу, эксперты 5 чел. (доктор психологических наук, четыре кандидата психологических наук) – специалисты по психологии активности, личности и общения. Перед экспертами ставились задачи: 1) оценить степень соответствия каждого пункта, представляющего собой комплексное описание определенной направленности коммуникативной активности, изучаемому явлению в целом; 2) оценить соответствие пунктов и полноту их описания изучаемому явлению, возможное дублирование пунктов. Затем было проведено эмпирическое исследование с целью валидации методики изучения направленности коммуникативной активности. Участникам исследования (Интернет-пользователям) предлагалось ответить на рабочую версию методики. Выборку исследования составили 38 респондентов – студентов 2-го курса бакалавриата и специалитета Удмуртского государственного университета (направления подготовки «психология», «клиническая психология», «организация работы с молодежью») (возраст 19 – 21 год). С респондентами обсуждалось понимание каждого пункта методики, их ответы послужили основой для дополнительной корректировки формулировок пунктов методики. Таким образом, окончательный вариант методики включает шесть пунктов – комплексных описаний направленности коммуникативной активности и две сферы реализации активности – непосредственное общение («лицом к лицу») и виртуальное общение. В пунктах методики использовались идеи, формулировки, описания

функций человека как субъекта общения, предложенные В.Н. Панферовым. Например, когнитивная направленность активности: *стремление к познанию и пониманию других людей – партнеров по общению, оценка их возможностей в общении*. Респондент ранжирует пункты – комплексные описания направленности коммуникативной активности 4 раза, выполняя инструкцию в соответствии со своими предпочтениями (Я-реальное) – в непосредственном общении и виртуальном общении; затем инструкцию «идеал» – в непосредственном общении и виртуальном общении.

Результаты исследования. Испытуемым предлагалось проранжировать по степени значимости (предпочтительности) для себя показатели активности – собственно коммуникативную, информационную, когнитивную, эмотивную, конативную, креативную. Такое ранжирование производилось сначала применительно к непосредственному общению («лицом к лицу»), затем – применительно к виртуальному общению (Интернет-общению). Полученные в выборке (n=418) данные были обработаны путем подсчета средних рангов и коэффициента корреляции Спирмена показателей направленности коммуникативной активности в каждой из двух сфер – в непосредственном и виртуальном общении. Отметим, что согласно методике, чем меньше ранг, тем более выражена та или иная направленность активности. В результате анализа средних рангов установлено, что в профиле направленности активности в непосредственном общении отдается предпочтение собственно коммуникативной активности (2,70) и эмотивной активности (2,96), а в виртуальном общении – информационной (2,63) и коммуникативной активности (2,86). Это понятный и ожидаемый нами результат. Конативная и креативная направленность коммуникативной активности менее представлены, о чем свидетельствуют показатели средних рангов: (4,21) и (4,14) в реальном общении (4,17) и (4,24) в виртуальном общении соответственно.

Результаты корреляционного анализа (n=418) представлены в таблице. 1.

Таблица 1. – Результаты корреляционного анализа показателей направленности коммуникативной активности (n=418)

Направленность коммуникативной активности	Непосредственное/ виртуальное общение	
	R	p
Коммуникативная	0,481	0,001

Продолжение таблицы 1

Направленность коммуникативной активности	Непосредственное/ виртуальное общение	
	R	p
Информационная	0,074	0,156
Когнитивная	0,241	0,000
Эмотивная	0,134	0,010
Конативная	0,524	0,000
Креативная	0,592	0,000

В целом направленность коммуникативной активности, реализуемая в непосредственном общении, и направленность, реализуемая в виртуальном общении, как видно из таблицы 1, согласуются, о чем свидетельствуют данные корреляционного анализа. Исключение составляет информационная направленность активности, т.к. коэффициент корреляции показателей не значим. Можно констатировать, что информационная направленность в онлайн и офлайн контекстах общения не согласуются в силу того, что виртуальное пространство представляется более доступным и эффективным для получения информации. Подобный результат можно также объяснить неразвитой рефлексивной позицией респондентов в отношении информационной безопасности. В целом методика выявляет профиль направленности коммуникативной активности респондента в непосредственном и виртуальном общении, а также соотношение показателей направленности активности в непосредственном и виртуальном общении – их совпадение (согласование, взаимное усиление) или рассогласование. Методика позволяет определять коммуникативный потенциал личности на основе анализа результатов серии ранжирования – «идеал».

На следующем этапе исследования 33 респондентам – студентам Удмуртского государственного университета в возрасте 19 – 20 лет (направления подготовки «организация работы с молодежью», «культурология») была предложена методика изучения направленности коммуникативной активности для проведения ретестирования. Инструкция к методике осталась прежней, исследование проводилось с интервалом 5 недель. Для оценки ретестирования применялся непараметрический критерий Уилкоксона; получены следующие результаты (учитывался уровень статистической значимости): коммуникативная активность в непосредственном ($p=0,967$) и виртуальном общении ($p=0,599$), информационная

направленность в непосредственном ($p=0,455$) и виртуальном общении ($p=0,134$), когнитивная направленность в непосредственном ($p=0,241$) и виртуальном общении ($p=0,771$), эмотивная направленность в непосредственном ($p=0,058$) и виртуальном общении ($p=0,576$), конативная направленность в непосредственном ($0,824$) и виртуальном общении ($p=0,058$), креативная направленность в непосредственном ($p=0,590$) и виртуальном общении ($p=0,963$). Таким образом, результаты анализа ретестирования свидетельствуют, что между шкалами теста и ретеста значимых различий не обнаружено, что показывает достаточно высокую надежность авторской методики.

Далее для проверки конвергентной валидности методики изучения направленности коммуникативной активности применялись следующие методики: 1) методики онтологической уверенности (Коптева Н.В.): опросник онтологической уверенности ОУ-ПМ, методика онтологической уверенности, построенная по принципу семантического дифференциала и оценки объектов – элементов бытия-в-мире, в отношении которых человек испытывает уверенность ОУ-СД [1]; 2) методика диагностики межличностных отношений ДМО (Т. Лири) [20]; 3) методика «Диагностика активности студентов» (ДАС-2) (Волочков А.А., Попов А.Ю.), в основе которой лежит трехкомпонентная структура активности: потребность во взаимодействии – волевая регуляция взаимодействия – удовлетворенность взаимодействием [15]; 4) шкала «Психологической разумности» ШПР (Conte H., Plutchik R., Jong B.), адаптация М.А. Новиковой, Т.В. Корниловой; 5) методика изменения психологических границ при использовании технических средств МИГ-ТС 2 (Е.И. Рассказова, В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов) [16]. Методики измеряют близкие к нашей работе феномены активности, результаты корреляционного анализа показателей представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Корреляция показателей методики изучения направленности коммуникативной активности с показателями методик ОУ-СД, ОУ-ПМ (Коптева Н.В.), ДМО (Т. Лири), ДАС-2 (Попов А.Ю., Волочков А.А.), ШПР (Conte H.), МИГ-ТС 2 (Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш.)

Опросники, шкалы, число участников в выборках (n)	R	p
Методики измерения онтологической уверенности ОУ-СД, ОУ-ПМ (n=97)		
Витальные контакты с миром – коммуникативная НО*	- 0,330	0,001
Автономия – эмотивная ВО*	-0,280	0,005
Уверенность в мире – креативная ВО	0,236	0,020
Уверенность в значимом – когнитивная НО	0,263	0,009
Уверенность в значимом – когнитивная ВО	0,214	0,036
Уверенность в значимом – эмотивная ВО	- 0,202	0,047
Уверенность в значимом – креативная ВО	0,220	0,031
Уверенность в людях – эмотивная НО	-0,218	0,034
Уверенность в людях – креативная ВО	0,216	0,034
Витальные контакты с людьми – информационная НО	-0,243	0,016
Витальные контакты с людьми – эмотивная НО	-0,208	0,041
Витальные контакты с людьми – эмотивная ВО	-0,296	0,003
Витальные контакты с людьми – креативная ВО	0,206	0,043
Σ ОУСД – креативная ВО	0,267	0,008
Методика ДМО (n=97)		
Эгоистичный тип м/о* – эмотивная НО	0,265	0,009
Агрессивный тип м/о – конативная НО	- 0,249	0,014
Подчиняемый тип м/о – коммуникативная ВО	-0,224	0,027
Подчиняемый тип м/о – информационная ВО	0,388	0,000
Подчиняемый тип в м/о – эмотивная ВО	- 0,260	0,010
Зависимый тип м/о – информационная ВО	0,318	0,001
Зависимый тип м/о – эмотивная ВО	-0,263	0,009
Альтруистический тип м/о – коммуникативная ВО	-0,281	0,005
Альтруистический тип м/о – эмотивная ВО	-0,229	0,024
Доминирование – информационная ВО	-0,276	0,006
Доминирование – эмотивная ВО	0,244	0, 016
Дружелюбие – эмотивная НО	- 0,286	0,005
Методика ДАС – 2 (n=104)		
Субъектность выбора (общение) – эмотивная ВО	- 0,206	0,036
Субъектность выбора (у/д*) – креативная ВО	0,210	0,032
Субъектность контроля (созерцание) – эмотивная НО	- 0,210	0,032
Субъектность контроля (у/д) – информационная НО	0,208	0,034
Субъектность контроля (рефлексия) – коммуникативная НО	0,214	0,029
Субъектность контроля (рефлексия) – когнитивная НО	-0,233	0,017
Субъектность в результатах взаимодействия (познание) – коммуникативная ВО	-0,194	0,048
Субъектность в результатах взаимодействия (познание) – информационная ВО	0,201	0,040
Субъектность в результатах взаимодействия (у/д) – конативная НО	-0,305	0,002
Субъектность в результатах взаимодействия (рефлексия) – конативная НО	0,238	0,015
Методика ШПР (n=101)		
Доступность переживаний – коммуникативная ВО	-0,197	0,048
Доступность переживаний – эмотивная ВО	- 0,308	0,001
Польза от обсуждения переживаний – когнитивная. НО	- 0,244	0,014
Желание и готовность обсуждать переживания – когнитивная НО	- 0,363	0,001
Методика МИГ-ТС 2, Интернет (n=68)		
Невозможность отказа – коммуникативная ВО	-0,302	0,012
Невозможность отказа – эмотивная НО	-0,259	0,033
Субъективная зависимость – эмотивная НО	-0,316	0,009
Субъективная зависимость – конативная ВО	-0,284	0,019
Расширение границ в общении – информационная НО	0,275	0,023
Расширение границ в общении – эмотивная НО	-0,285	0,018
Рефлексия нарушения границ – эмотивная НО	-0,269	0,027

Условные обозначения: НО* – непосредственное общение, «лицом к лицу»; ВО* – виртуальное общение; м/о* – межличностные отношения; у/д* – учебная деятельность

Корреляционные связи выявлены с показателями методик онтологической уверенности ОУ-ПМ, ОУ-СД, а именно: чем больше выражены витальные контакты с миром, тем более выражена коммуникативная направленность в непосредственном общении; при высокой автономии и уверенности в значимом (индивидуальной ценности), выражена эмотивная направленность активности в виртуальном общении. Наиболее высокий уровень корреляции показателей направленности активности, а именно эмотивной направленности в виртуальном общении обнаружен с показателем «витальные контакты с людьми». Чем выше показатель по агрегированной шкале онтологической уверенности (Σ ОУСД), тем менее выражена креативная направленность активности в виртуальном общении. Онтологическая уверенность как переживание человеком целостности своего бытия, автономии и в то же время причастности к миру, другим людям, единородности с ними сопряжена с невыраженной креативной активностью в виртуальном общении. Совокупность полученных данных свидетельствует о том, что онтологическая уверенность как «ресурсное чувство», как переживание бытийных опор в собственном Я и в том, что составляет «не-Я», связана с измерениями направленности коммуникативной активности, особенно с эмотивной направленностью.

Согласно полученным результатам с использованием методики диагностики межличностных отношений ДМО (Т. Лири), наличие корреляционных связей направленности коммуникативной активности и типов межличностных отношений, характеризующихся как конформными, так и неконформными тенденциями, свидетельствует о конвергентной валидности методики, а отсутствие ряда связей свидетельствует о новых возможностях методики в диагностике направленности коммуникативной активности человека. Преобладают связи показателей направленности активности с типами межличностных отношений, характеризующимися конформными тенденциями и конгруэнтностью в контактах с окружающими. Наибольшее количество связей – с эмотивной направленностью коммуникативной активности как в реальном, так и виртуальном общении, а также информационной направленностью в виртуальном общении.

Установлены связи показателей методики направленности коммуникативной активности и методики диагностики активности студентов (ДАС-2), а именно: субъектность выбора,

субъектность контроля, субъектность в результатах взаимодействия в разных сферах жизнедеятельности. Чем выше потребность во взаимодействии в сфере общения, тем более выражена эмотивная направленность активности в виртуальном общении. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют, что субъектность контроля и субъектность в результатах взаимодействия низки при выраженной информационной направленности активности. Наиболее высокий уровень корреляции обнаружен между показателями – «субъектность в результатах взаимодействия (учебная деятельность)» и конативной направленностью активности в непосредственном общении. Таким образом, развитая саморегуляция в учебной деятельности согласуется с конативной направленностью коммуникативной активности, т.е. регуляцией поведения партнера по общению.

Выявлены связи направленности коммуникативной активности с показателями методики «Шкала психологической разумности», а именно: чем выше заинтересованность в сфере переживаний, тем менее представлена когнитивная направленность в виртуальном общении; чем выше доступность переживаний, тем более выражена эмотивная направленность в виртуальном общении; чем выше желание и готовность обсуждать переживания, тем более выражена когнитивная направленность активности в непосредственном общении.

Установлены корреляционные связи с показателями методики МИГ-ТС 2, большинство связей обнаружено с показателями шкал, относящихся к субшкале «психологическая зависимость», а именно: невозможность отказа, субъективная зависимость (чрезмерная трата времени на Интернет, пренебрежение другими делами). Феномен «расширение границ в общении», т.е. субъективно воспринимаемая достижимость и контролируемость других людей и утрата приватности в результате использования Интернета, согласуется с эмотивной направленностью активности в непосредственном общении, т.е. при расширении границ в общении выражена эмотивная направленность активности, снижена информационная направленность активности в непосредственном общении. Чем более выражена рефлексия нарушения границ как осознание, переживание человеком «открытости» границ в общении, тем более выражена эмотивная направленность активности в непосредственном общении, что вполне закономерно.

Итак, установлена корреляционная валидность методики изучения направленности коммуникативной активности. Полученные для каждого из шести показателей направленности ранги, отражающие профиль направленности активности для респондента, можно использовать в эмпирических целях для анализа связи коммуникативной активности с другими психологическими феноменами.

Заключение. Для изучения направленности коммуникативной активности разработана методика, теоретической предпосылкой создания которой является концептуальное представление о функциях человека как субъекта общения (В.Н. Панферов), о полифонии активности – способе сосуществования и взаимодействия различных форм активности друг с другом (Л.Я. Дорфман). Методика обладает прогностической ценностью при изучении круга явлений, относящихся к непосредственному и опосредованному (виртуальному) общению, а также к коммуникативному потенциалу личности. Она выявляет направленность активности – собственно коммуникативную, информационную, когнитивную, эмотивную, конативную, креативную в реальном и виртуальном общении. Методика диагностирует соотношение показателей направленности в непосредственном и виртуальном общении. Она может применяться в исследовательских целях и для решения прикладных задач, в частности появляется возможность сконцентрировать внимание на направленности коммуникативной активности, ее эффектах и детерминантах в виртуальной среде при нормативном и проблемном использовании Интернета.

В методике респондент ранжирует показатели активности 4 раза, выполняя инструкцию в соответствии со своими предпочтениями (Я-реальное) – в непосредственном общении и виртуальном общении; затем инструкцию

«идеал» – в непосредственном общении и виртуальном общении. Таким образом, методика может быть использована для определения как направленности активности, так и коммуникативного потенциала личности на основе анализа результатов серии ранжирования – «идеал».

Представляется перспективным применение методики при проведении психологического консультирования и в практике социальной работы. Полученные результаты (корреляции с другими методиками) открывают новые возможности для разработки стратегии коррекционной работы с молодыми людьми, которые отличаются проблемным поведением в Интернете, в частности, усилить их рефлексивные и критические позиции в отношении информационной безопасности. Предложенная в статье авторская методика может быть востребована в экспресс-диагностике коммуникативных проблем человека, а полученные данные могут быть применены в разработке программы психологического сопровождения управляемого становления коммуникативной активности студентов в образовательном пространстве в условиях киберсреды. Разработанную методику можно использовать в семейном консультировании для диагностики проблем общения супругов, анализируя результаты ранжирования показателей направленности коммуникативной активности мужем и женой, соотношение этих показателей. Предполагается дальнейшая работа над методикой, расширение ее выборки с дифференциацией по полу, социально-демографическим, профессиональным и иным характеристикам. Методика может быть интересна специалистам смежных областей – педагогам, конфликтологам, специалистам по социальной работе, социологам, имиджеологам.

Литература:

1. Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества; под ред. А.А. Волочкова. – Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2015. – 200 с.
2. Богомолова Е.И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей Интернета: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Богомолова Екатерина Ильинична. – Краснодар. - 2015. – 25 с.
3. Васюра С.А. Структура и функции коммуникативной активности в интегральной индивидуальности человека / С.А. Васюра // Вектор науки Тольяттинского государственного университета.

Серия: Педагогика. Психология. – 2015. – № 2(21). – С. 167-170.

4. Васюра С.А., Рожина С.В. Современный подросток в киберпространстве: коммуникативная активность и кибербуллинг: коллективная монография / С.А. Васюра, С.В. Рожина // Психолого-педагогические проблемы развития современного школьника; отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск. - 2016. – С. 131-142.

5. Войскунский А.Е. Киберпсихология: современный этап развития / А.Е. Войскунский // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – № 4. – С. 21-39.

6. Дорфман Л.Я. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира / Л.Я. Дорфман // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2016. - Т. 13. - № 1. - С. 115-153.

7. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. - М.: Наука, 1984. - 444 с.

8. Лукина Н.А. Психологические особенности опосредованного Интернетом межличностного общения студентов: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Лукина Надежда Александровна. - Самара, 2013. - 26 с.

9. Лучинкина А.И., Лучинкина И.С. Особенности коммуникативного поведения в Интернет-пространстве подростков с разными типами суицидального поведения / А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина // Российский психологический журнал. - 2019. - Т. 16. - № 1. - С. 128-143.

10. Марарица Л.В., Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Общение в Интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности / Л.В. Марарица, Н.А. Антонова, К.Ю. Ерицян // Петербургский психологический журнал. - 2013. - № 5. - С. 1-15.

11. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности / В.С. Мерлин. - М.: Педагогика, 1986. - 256 с.

12. Моторина Л.Е., Черняева Г.В. Психологическая виртуальная реальность в компьютерной интерактивной среде / Л.Е. Моторина, Г.В. Черняева // Социальная психология и общество. - 2020. - Т. 11. - № 1. - С. 8-26. doi.org/10.17759/sps.2020110102

13. Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения / В.Н. Панферов //

Психологический журнал. - 1987. - Т. 8. - № 4. - С. 51-60.

14. Плешаков В.А. О психопластике киберсоциализации человека / В.А. Плешаков // Преподаватель XXI век. - 2016. - № 2-1. - С. 71-77.

15. Попов А.Ю., Волочков А.А. Структура и психологическая диагностика активности студента / А.Ю. Попов, А.А. Волочков. - Пермь: Перм. гос. гум.-пед. ун-т, 2015. - 152 с.

16. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека: учеб.-метод. пособие для студ. психол. спец. / Е.И. Рассказова, В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов. - М.: Акрополь, 2015. - 115 с.

17. Самсонова Н.Н. Взаимосвязь Интернет-коммуникации и социального поведения молодежи: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Самсонова Надежда Николаевна. - М., 2018. - 26 с.

18. Тончева А.В. Диагностика киберкоммуникативной зависимости [Электронный ресурс] / А.В. Тончева // Наукоедение. - 2012. - № 4. - Режим доступа: <http://publ.naukovedenie.ru>

19. Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н. Общение в Интернете и эмпатия в подростковом и юношеском возрастах / А.Б. Холмогорова, Е.Н. Клименкова // Психологическая наука и образование psyedu.ru. - 2016. - Т. 8. - № 4. - С. 129-141. DOI:10.17759/psyedu.2016080413

20. Leary T. The interpersonal diagnosis of personality. A functional theory and methodology for personality evaluation / T. Leary. New York: Ronald Press, 1957. - 518 p.

References:

1. Activity, value orientation and students' psychological health; ed. A.A. Volochkova. - Perm: Perm. state hum.-ped. un-ty, 2015. - 200 p.

2. Bogomolova E.I. The relationship of personal characteristics with the characteristics of the activity of users of social, Internet-networks: author. dis. ... cand. psychol. sciences: 19.00.01 / Bogomolova Ekaterina Ilinichna. - Krasnodar. - 2015. - 25 p.

3. Vasyura S.A. The structure and functions of communicative activity in the integral individuality of a person / S.A. Vasyura // Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy. Psychology. - 2015. - № 2(21). - S. 167-170.

4. Vasyura S.A., Rozhina S.V. A modern teenager in cyberspace: communicative activity and cyberbullying: collective monograph / S.A. Vasyura, S.V. Rozhina // Psychological and pedagogical problems of the development of a modern school-child; resp. ed. A.Yu. Nagornova. - Ulyanovsk. - 2016. - S. 131-142.

5. Voiskunsky A.E. Cyberpsychology: modern stage of development / A.E. Voiskunsky // South Russian Journal of Social Sciences. - 2019. - № 4. - P. 21-39.

6. Dorfman L.Ya. Causal pluralism and holism in the concept of the meta-individual world / L.Ya. Dorfman // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. - 2016. - Т. 13. - № 1. - S. 115-153.

7. Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology / B.F. Lomov. - Moscow: Nauka, 1984. - 444 p.

8. Lukina N.A. Psychological features of the Internet-mediated interpersonal communication of students: diss. ... cand. psychol. sciences: 19.00.07 / Lukina Nadezhda Aleksandrovna. - Samara, 2013. - 26 p.

9. Luchinkina A.I., Luchinkina I.S. Features of communicative behavior in the Internet space of adolescents with different types of suicidal behavior / A.I. Luchinkina, I.S. Luchinkina // Russian psychological journal. - 2019. - Т. 16. - № 1. - S. 128-143.

10. Mararitsa L.V., Antonova N.A., Yeritsyan K.Yu. Internet-communication: a potential threat or resource for a person / L.V. Mararitsa, N.A. Antonova, K.Yu. Yeritsyan // St.-Petersburg psychological journal. - 2013. - № 5. - S. 1-15.

11. Merlin V.S. Essay on the integral study of individuality / V.S. Merlin. - M.: Pedagogika, 1986. - 256 p.

12. Motorina L.E., Chernyaeva G.V. Psychological virtual reality in a computer-based, interactive environment / L.E. Motorina, G.V. Chernyaeva // Social psychology and society. - 2020. - Т. 11. - № 1. - S. 8-26. doi.org/10.17759/sps.2020110102

13. Panferov V.N. Classification of human's functions as a subject of communication / V.N. Panferov // Psychological journal. - 1987. - Т. 8. - № 4. - S. 51-60.

14. Pleshakov V.A. About psychoplastic of human cyber socialization / V.A. Pleshakov // Teacher of the XXIst century. – 2016. - № 2-1. - S. 71-77.

15. Popov A.Yu., Volochkov A.A. Structure and psychological diagnostics of student's activity / A.Yu. Popov, A.A. Volochkov. - Perm: Perm. state hum.-ped. unty, 2015. - 152 p.

16. Rasskazova E.I., Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Diagnostics of the psychological consequences of the influence of information technologies on a person: study guide. manual for stud. psychol. specialities / E.I. Rasskazova, V.A. Emelin, A.Sh. Tkhostov. - M.: Akropol, 2015. - 115 p.

17. Samsonova N.N. Interrelation of Internet communication and social behavior of youth: diss. ... cand. psychol. sciences: 19.00.05 / Samsonova Nadezhda Nikolaevna. - M., 2018. - 26 p.

18. Toncheva A.V. Diagnostics of cyber-communicative addiction [Electronic resource] / A.V. Toncheva // Science of Science. - 2012. - № 4. - Access mode: <http://publ.naukovedenie.ru>

19. Kholmogorova A.B., Klimenkova E.N. Internet-communication and empathy in adolescence and youth / A.B. Kholmogorova, E.N. Klimenkova // Psychological Science and Education psyedu.ru. - 2016. - Т. 8. - № 4. - S. 129-141. Doi: 10.17759/psyedu.2016080413

20. Leary T. The interpersonal diagnosis of personality. A functional theory and methodology for personality evaluation / T. Leary. New York: Ronald Press, 1957. - 518 p.

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Сведения об авторе:

Васюра Светлана Александровна (г. Ижевск, Россия), кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии, Институт педагогики, психологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», e-mail: vasyura@inbox.ru

